

1184(2Рос=Рус)65

К К 59

ВИКТОР КОЗЛОВ

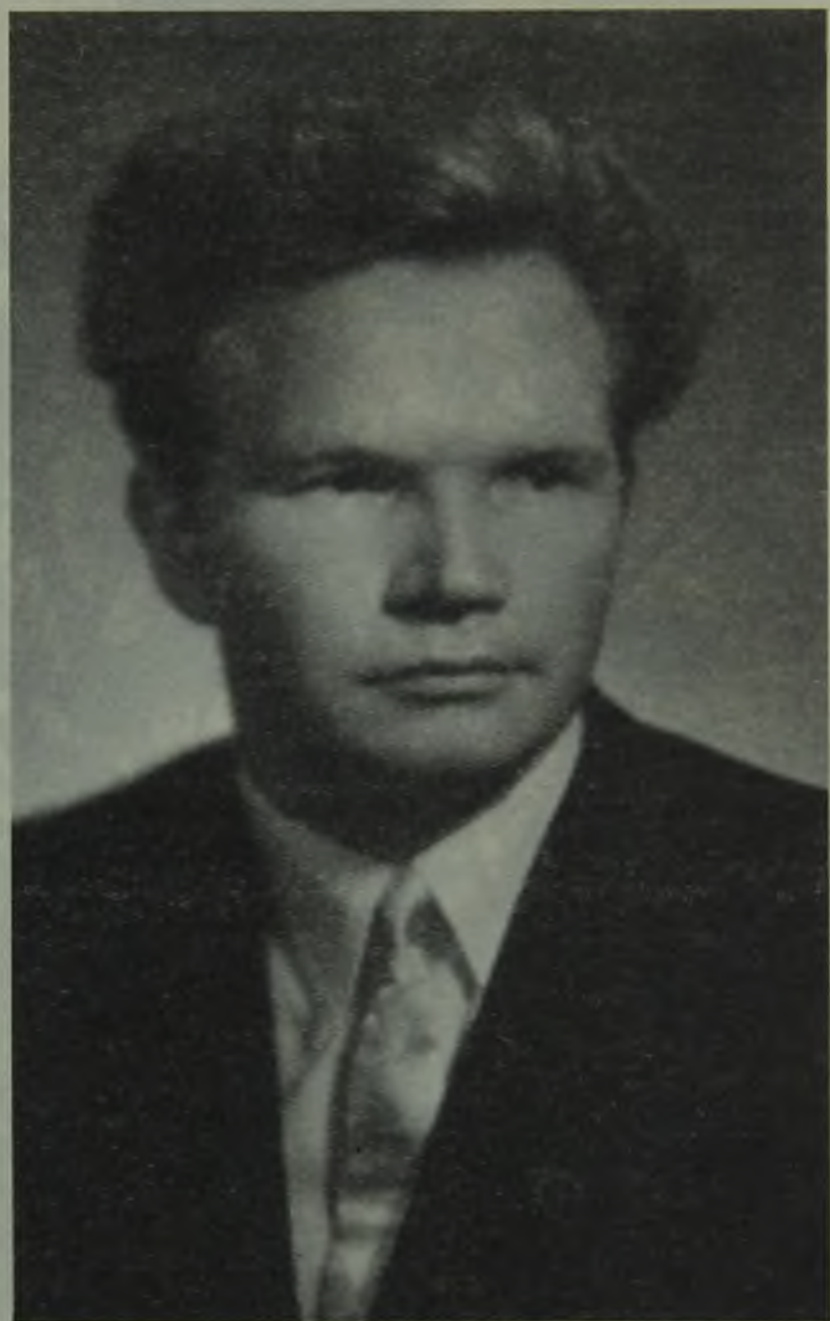
ТРОИЦЫНО УТРО

Троицыно утро, утренний канон.
В роще по березкам белый перезвон...

Сергей Есенин

Виктор Козлов

ТРОИЦЫНО УТРО

КНИГА СТИХОВ

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обязательный
экз.

59735-2

Екатеринбург

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1999

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

12 Рос = Рус) 6-5

ББК 84Р7

К59

Автор выражает искреннюю благодарность администрации Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа за финансовую помощь в издании книги.

К $\frac{4702010102-026}{M158(03)-98}$ — Без объявл. — 99

© В.Козлов, 1999

© В.Сысков, оформл., 1999

© ИЛыцов, предисл., 1993

ISBN 5-7529-0721-7

597351

70-летию
Нижневартовского района
посвящается

Стихи в блокноте инженера

Эту вырезку из областной молодежной газеты со своей статьей о первых трех годах работы горного инженера Виктора Козлова в коллективе тюменских нефтеразведчиков и о его поэтических начинаниях я храню в своем писательском архиве почти три десятка лет. И вот недавно ветеран первооткрывателей нефти Среднего Приобья Виктор Николаевич Козлов напомнил мне о себе письмом в Москву. В нем мой старинный друг и коллега по геологическому поиску в Западной Сибири искренне исповедуется:

«Кажется, что это было совсем недавно. Однако со дня опубликования «Стихов в блокноте инженера» в «молодежке», которая за это время тоже неузнаваемо изменилась, минула чуть ли не вечность. Я бросал писать и начинал снова. Был и лауреатом Всесоюзного телевизионного поэтического конкурса, и кидал свои опусы в корзину. Всякое было. Единственное, чего я не позволял самому себе, так это раздваиваться. Отсюда — мой

главный упор на производство, на инженерное обслуживание проходки, на совершенствование технологии бурения скважин и качество крепления их обсадными трубами, желание как можно меньше нанести ущерба недрам и окружающей среде, любимой мною природе. Так незаметно, в трудах и хлопотах, прошло, как в пушкинской сказке, «ровно тридцать лет и три года». А с учетом северного коэффициента мой трудовой стаж теоретически составляет чуть ли не полстолетия, хотя мне самому идет только пятьдесят шестой год...

События последних лет, «перманентная» революция в революции, названная ее инициаторами «перестройкой», разорили меня и мою семью. Остались только жалкие накопления в виде остеохондроза, артрита и прочих прелестей. Но как компенсация за все эти испытания остались стихи — эти молчаливые и неизменные «свидетели мои, свидетели живые» голодного военного детства в алтайской, а затем в башкирской деревеньках, материнской заботы о нас, полусиротах, лесных утех отрочества, а затем и моей геологической молодости. С особенно теплым чувством я отношусь к страницам сохранившихся стихотворных записей о своей первой любви и о радостях и шероховатостях семейной жизни, о цветах сердечного союза — своих дочерях Елене и Анастасии. Охотно возвращаюсь к совершенствованию сюжетов о своих кол-

легах по открытию и освоению нефтяных месторождений Среднего Приобья. В пейзажных зарисовках нашей западносибирской природы не хочется обижать даже знаменитую мошкарку и бессмертный гнус. В смысле формального развития как стихотворца, по легкой фразе поэта, меня все больше тянет к Сергею Есенину, в свою очередь учившемуся у великого Пушкина. Поэтому и свою книгу стихов хотелось бы назвать каким-либо известным, звучным и точным есенинским образом. Так составила́сь эта рукопись...»

Остается сообщить читателям несколько анкетных данных о поэте. Родился Виктор Николаевич в 1937 году на Алтае. Окончил Уфимский нефтяной институт. В системе «Главтюменьгеология» трудится с 1961 года. Прошел путь от помощника бурильщика до главного технолога по проводке скважин объединения «Мегионнефтегазгеология». Он непосредственный участник открытия многих тюменских месторождений нефти и газа. Известен он и как рационализатор и изобретатель, автор более тридцати усовершенствований, направленных на повышение эффективности разведочного и эксплуатационного бурения скважин. Живет и работает в Мегионе.

Стихотворения Виктора Козлова печатались в центральных и областных изданиях, в коллективных сборниках, выходивших в Тюмени, Екатеринбу-

бурге и Москве. Он был лауреатом Всесоюзного поэтического телевизионного конкурса.

«Троицыно утро» — книга даровитого поэта, названная, как того и хотел автор, звучной и емкой строфой из знаменитого есенинского шедевра, взятого в качестве эпиграфа к книге. Сборник поэта-инженера содержит лучшие его стихотворения. Главные их достоинства состоят в строгом следовании жизненной правде, а также в образности и задушевности голоса самобытного автора, то есть в синтезе тех самых качеств, которые испокон и отличают истинную, большую русскую поэзию, вобравшую в себя лучшие черты национального характера, от бездумного холодного версификаторства и всяких модернистских посягательств на классическую традицию.

Сибирского же Вам долголетия и новых, пахнущих хвоею и медуницей, выстраданных поэтических откровений «о времени и о себе», наш соратник, коллега и друг Виктор Николаевич!

*ИВАН ЛЫСЦОВ,
член Союза писателей России,
тюменский геолог с 1954-го по 1965 год*

Апрель 1993 г.

Москва

ТРОИЦЫНО УТРО

* * *

Хлебным духом печка дразнит.
У дежи хлопочет мать...
Троица. Престольный праздник.
И деревню не узнать.

Лес — в кудрявом обрамленье.
И к елани у реки
Боженьке для угощенья
Мы относим пироги.

А еще — подовые
Калачи медовые,
Мятные коврижки,
Коржики и пышки!

А любой березке —
Ленточку к сережке...
Троица, Троица!
Радость в сердце строится.

Проездом

Я носился, будто Сивка,
Из конца двора в конец:
На двуденную побывку
Обещается отец!

Едет полк его на запад
Аж из города Читы...
У отца — казенный запах
И родимые черты.

Он меня совсем затискал,
Так меня к себе прижал,
Что от счастья я лишь пискнул
И в ответ его обнял.

К небу он меня подкинул:
— Вот так сынка! — говорит.
До сих пор в глазах все синим-
Синим пламенем горит!

А маманю — в жар и в холод:
— Ты его не урони!..
Был отец, как лето, молод.
Пахли порохом ремни...

Повечерье

В синих сумерках перепелка
Ребятишек ко сну зовет.
Пыль дорожная от проселка
На лозинки дворов течет.

Наша юность — еще не скоро.
Но девчонки уже поют,
Голосами плетя узоры,
Про любовь да печаль свою.

Тальниковым пахнуло дымом
От пастушеского костра.
И томливо в дому родимом
Исканючилась детвора:

— Ну, картоха еще не поспела?
— Доспевает, сынок. Не спи.
— Вот бы Рябушка нам сумела
Хоть яичко к утру снести!..

В сизой сутеми перепелка
Успокоилась. Спать пора.
На печи на подушке колкой
Детство нежится до утра.

Дети войны

Наряжен маманей в обновку,
У всей малышни на виду,
В начальную школу, в Покровку
Я шел в сорок третьем году.

Внушительно выглядел рядом
С соломою крытым селом
В старинной господской ограде
Под школу налаженный дом.

Залился звонок. И морозный
До пяток мураш пробежал.
Но завуч безрукий серьезный,
Войдя к нам, душевно сказал:

– А ну, поднимитесь, ребята,
У коих отцы на войне...
И дрогнули крышками парты,
Как всюду, наверно, в стране.

Весь класс по вопросу поднялся.
Мы все были дети войны.
И не было горестней класса,
Наверно, у целой страны...

Крапива

Сшибают дети лебеду
И, подбоченясь горделиво,
В полузаброшенном саду
Срубают палками крапиву.

Гуртом, как гуси, гогоча,
Мальчишки празднуют победу.
И, намахавшихся сплеча,
Их кличут матери к обеду.

А мы крапиву с лебедой
Вот так, бывало, не лупили.
Мы почитали их — едой,
Хотя не очень-то любили.

Мерцал в глазах голодный блеск
У нас в те горестные годы.
И шли мы за подспорьем в лес
И на пустые огороды.

Была крапивная бурда
На вкус приятною едва ли.
Но к нам в страну пришла беда,
И это мы осознавали...

Но что ж я снова про еду?
Ведь что-то есть и поважнее.
Я речь о том сейчас веду,
Что были мы тогда добрее.

Жнецы

1

Рожь спелая то ляжет гладью,
То вдруг вся волнами поедет.
И мама-жница в легком платье
Над ней лебедушкой плывет...

Я захожу к ней в рожь и вижу
Ее со свяслем у копны.
Я ей принес из сада вишню,
Узнав родную со спины.

Она устала наклоняться
И бисер смахивать с виска.
А возле жницы, как три братца,
Стоят живых три василька...

2

Над Параниным угорьем
Солнце в мареве встает.
Матушка с серпом проворным
На своей загонке жнет.

Хлеб на солнце золотится.
Поле сжать одной невмочь.
Мне моей родимой жнице
Очень хочется помочь.

Мы снопы в суслоны ставим.
Коршун падает с небес...
Если с мамкой не устанем –
Будет дома что поесть.

Колоски

Знойный полдень двошит *, что кутенок.
Колет руки и ноги стерня.
За окошком, видать, жеребенок
Мчит, бубенчиком резвым звеня.

Это едет колхозный объездчик
С кнутовищем у потной луки.
И, как птица, сердечко трепещет,
Что отнимет он все колоски...

* Двошать — сильно, часто дышать. *Примеч. ред.*

Чищенная картошка

Я, конечно, люблю и в мундире
Есть картошку, когда — досыта.
Только лучшее лакомство в мире —
Коль очистить ее дочиста.

Вьется с клубня тончайшая стружка,
Так и помнится, из-под ножа.
Завитушка... Еще завитушка...
Как яичко, картошка свежа.

Ах, картошка, ты — чудо творенья,
То, что заново вышло на свет!..
Не еда, а одно наслажденье —
Из рассыпчатых клубней обед.

- 597.35-2 Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

Военная масленица

Спозаранку в Малышовке
Разжужжались, будто рой.
В председательской кошевке
Все забито ребятней.

Выездной рысак степенный
Глаз косит на молодежь.
Чучело зимы военной
Подпалили под галдеж:

– Пережили эту зиму, –
Значит, летом не помрем!
– Если с нас и лапти сымут,
Мы плясать и так пойдем!

На водице на криничной
Нам теперь не до беды:
Если нет муки пшеничной –
Хлеб спечем из лебеды...

В Казенном лесу

Разлаписты кроны
В Казенном лесу.
Здесь вяхири стонут
И cedят росу.

Столетние вязы
Дуплисты стоят,
Морочат и блазнят
И страхи таят...

Веселою песней
Себя подбодрив,
Иду я по лесу
С кошелкой из ив.

Воинственным видом
Пугая чертей,
Ищу я колоду,
Какая прелей.

Грибы на колоде —
Вкусняги — растут.
Их тот лишь находит,
Кого они ждут...

И кроны, и корни
В Казенном лесу
Голодных накормят,
Смышленных спасут.

А вот и грибница:
Она — не мираж...
И мама дивится:
— Добытчик ты наш!

Зорька

Я пас в лесу корову.
И вот на склоне дня
Под вересковым кровом
Сморило вдруг меня...

Проснулся оттого я,
Что теплым языком
Меня корова Зорька
Лизнула над вихром.

От этой ласки влажной
Я чуть не заревел:
Такой от мамки даже
Я сроду не имел...

Но ласково и зорко
На пастушка, как мать,
Опять взглянула Зорька:
Пора тебе вставать.

Я выбрался на траву
И пас уже с умом,
А потрудился славно —
И ужин с молоком.

И Зорькина осталась
Приметка у виска:
Вихор, белесый малость,
Зализанный слегка...

Журавли

Под окнами гроздь рябины
Последним огнем налились.
С хорошим прогнозом с осины
Румяный снимается лист.

Я в добрые верю приметы
И знаю: чем позже от нас
Уносят пернатые лето,
Тем в зиму сугревнее наст.

И все же, как прежде, с тревогой
Гляжу я в лиловую высь:
Дай Бог, чтобы ясной дорогой
На юг журавли подались.

Молю я, чтоб ранняя вьюга
Их клин обошла стороной.
И чтобы весной они с юга
Опять воротились домой!

Голубичник

На каждой кочке голубеет,
Похоже, собственный рассвет!

Скажи: когда она поспеет,
У голубики — свет иль цвет?

Для сырых, бедных и убогих
Она растет в местах улогих.

Не потому ли с малых лет
Милей тех ягодок мне нет?..

Доброта

Еще мальчонкою в войну
Я понял истину одну:

Лишь хлебушка б имелось —
А все другое — мелочь.

Да, жизнь тогда была крута!
Но ведь была и доброта.

А где добро, там милость.
Вот жизнь и сохранилась.

Сейчас вновь хлебушек в цене.
Но дело доброе — вдвойне.

В крещенский мороз

Стекла в окнах балка –
Вроде плотного белого фетра.
За стеною зима
Продолжает вовсю лютовать.
Хоть бы каплю тепла
Иль перо сыроватого ветра!
Дай Бог к Сретенью лету
Хотя бы писульку послать.

А мороз, будто спирт, –
Леденит, обжигает и сушит.
Так и лезет с иглой
В потаенные недра нутра.
На открытом юру
Каменеют и губы, и души.
Вот когда нет милей
Ничего, кроме пыла костра!

Постою у огня –
И на время про возраст забуду.
И привидится мать, –
Как вела меня в храм на заре.
На далеких крестах
Солнце плавило Божью полуду.
И крещеным домой
Возвращался я — в свой Назарет.

СЕМЕЙНЫЕ ЧАСЫ

Сонет о Вас

Хоть мы уже давненько с Вами
Не говорили тэт-а-тэт –
Ваш столь изящный силуэт
Так и стоит перед глазами.

Что я был околдован Вами,
В том удивительного нет.
Вы говорили не стихами,
Но заслонили целый свет.

И силуэт мне Ваш невольно
Пришлось подробно изучать.
В нем было столько партий сольных,

Обворожительно-бемольных,
Что весь Ваш облик стал звучать,
Как музыка, любви под стать!

Отклик

Опять и мечты, и сомненья
Меня полонили совсем.
Как юноша, снова в волненье
Я код набираю «0-7»

А в трубке пушистенький гномик
Шевелится и ворчит.
И только желанный твой номер
Упорно и глухо молчит.

Я напрочь убит и подорван
Устройством твоей немоты.
Тогда перед мысленным взором
Безмолвно являешься ты.

Но, Боже, хотя бы дыханье,
Хотя бы презренье яви!..
...Запахло твоими духами,
Как ладаном в храме Любви.

Заклинание

Словно в голод краюшкой хлеба,
Не погребуй ты мной, не погребуй.

Если станет с овчинку небо,
Ты востребуй меня, востребуй.

Утолю все твои печали,
Коль покличешь меня ночами.

Свадебный визит

Сейчас тот городок, наверно, в инее,
И улочка, должно быть, как тоннель...
По трапу теплохода местной линии
Мы здесь сошли в том свадебном турне.

Нас хантка Марья, чуточку утрюмая,
Приветила, как добрая Яга.
Она чуть-чуть пригубливала рюмочку,
Про своего толкуя старика.

Она пекла нам жаркие оладушки,
Жалкуя, что мы с нею не родня.
Тебя звала она степенно «матушкой»
И, словно мама, «дитяткой» меня...

Кухту сбиваю лыжной палкой с елок я
И вспоминаю летний теплоход.
Где он теперь? Что с Марьей невеселою,
С тобой нас приютившею в тот год?..

Разлад

В ложбинке тайной бьется жилка синяя.
И хоть все в мире женщины слабы,
Но не разжать руки, где скрыта линия
Твоей судьбы.

Под нежной кожей жилочка пульсирует.
И, закусив чуть краешек губы,
Ты говоришь, решившись и не милуя:
– Прочь от судьбы!

В привычном ритме бьется жилка синяя.
Но что ты так, родная, напряглась?
Обиделась? Но ведь не только линия –
Твоя судьба с моей переплелась...

* * *

Я тебя забывать погожу:
еще пахнут тобою подушки
и волос твоих солнечных стружки
то и дело еще нахожу...
Я тебя забывать погожу.

Я тебя забывать погожу...
Не подумай, что просто не в силах!
Специально твой маленький снимок
я в нагрудный карман положу
и тебя забывать погожу...

Я тебя забывать погожу,
хоть, наверно, не свидимся боле...
Я с тобой перейти думал поле,
да, видать, не осилил межу,
но тебя забывать погожу!

Я тебя забывать погожу...
Но и так убиваться — не дело!
Будет трудною эта неделя.
Что скрывать? Все понятно ежу!
Потому я чуть-чуть погожу.

Погожу... И в окно погляжу:
Облепили рябину синицы...
Ах, как хочется вусмерть
напиться...
Но пока погожу.
Погожу.

Семейные часы

Часы семейные сломались –
И все пошло вперекосьяк.
И мы жестоко просчитались,
Приняв за главное пустяк.

Как в детективе в духе Чейза,
Часы над нами взяли власть.
И власть любви у нас исчезла,
И нить родства оборвалась.

И стало все для нас проблемой.
Развод для нас стал общей темой.
Конец — часы остановились...
Но не сдались мы им на милость.

Я починил их и поставил
На место прежнее, на шкаф.
Я их опять идти заставил.
И ты сказала, что я прав.

* * *

Настенька мила и востроглаза —
Вылитая старшая сестра.

И по фотографии не сразу
Различишь их... Видимо, пора

И ее пришла. И совершилось
Таинство. Нежней лица овал.
Синь в глазах загадочно сгустилась.
Волос погустел, закудревал.

Ах, вы, перемены растакие,
Роковые в девичьей судьбе!
И не бабки ль это Евдокии
Гены заявили о себе?

Станет дочка в бабушку гордячкой
Или, у судьбы на поводу,
Шустрые глаза все чаще пряча,
Одолеет кротостью беду?..

Одной лыжней

Не приревнуй к сопернице своей,
Ведь я твоя навеки половина.
Давай с тобой на лыжах от людей
Уйдем, Галина!

В тайге морозной вновь в самих себя
Мы обратимся на лыжне старинной.
Я там сильнее чувствую тебя.
А ты, Галина?

Со склона вниз — и в гору в тот же миг!
Влюбленные — два вечных пилигрима.
Вот так и в рай бы вместе — напрямик!
Войдем, Галина?

* * *

Странности сей жизни не избыть...
Разве кто-то в силах все предвидеть?
Я хотел бы целый мир любить.
Почему ж дано и ненавидеть?

Разумом порою не понять
Мне своей любви и антипатий:
То весь мир согласен я обнять,
То довольно милой мне объятий...

* * *

Хоть и бабье лето на дворе –
бусенец все сроки перепутал:
моросью парной весь мир окутал.
Вот в такую грустную минуту
встретились с тобою в сентябре.
Были в октябре деньки зато –
будто летом, с солнечным приглядом!
Ты меня своим молила взглядом:
я хочу с тобой быть вечно рядом,
отыщи в своей душе затон!
Что ж! Живи... Пока пурга и выюга
будут выть и с ног меня валить –
ты в душе моей. Лечи недуги
иль колдуй над квадратурой круга...
Можешь просто паруса смолить.
...В марте вновь, весны почуя смуту,
на брусвяной брезжущей заре
уплыла...
И снова, перепутав
все мне в жизни,
ты в сию минуту
входишь тихо –
в светлом сентябре...

В разлуке

Мелькнул и скрылся рдяный иван-чай,
Оставшись где-то на разъезде дальнем.
И вновь задет я грустью невзначай,
Подверженный воспоминаньям тайным.

У нас еще на Севере — снега,
Хоть с каждой новой зорькою теплее...
Поэтому ты мне и дорога,
Что нет тебя, подснежник мой, роднее.

* * *

Милая, не спрашивай: «Зачем?..»
Просто звезды так определили.
Я — твой разговорчивый ручей,
Ты — цветок мой, краше прочих лилий.

Милая, не говори: «Не та...»
И не прекословь, сказав «не надо».
Ты — моя земная красота
И моя небесная прохлада.

НОВАЯ ПЛАНЕТА

* * *

Про походный пахучий чай
Да про путь, что «далек и долог», —
Песню слушая, ты не тай:
Ведь сложил ее не геолог.

Только труд, каждодневный труд —
Вот и все тебе тут секреты.
Наша жизнь — от Земли маршрут
До Туманности Андромеды.

* * *

Я улетаю на работу
В Сибирь. Без нас она застыла.
Там неоглядные болота —
Что марсианская пустыня.

Туши, приятель, сигарету —
И в небо ярко-голубое!
Сибирь, как новую планету,
Должны разведать мы с тобою.

* * *

Возноси ты не очень свой нос,
Что в тайге тебя жучит мороз.

И не шибко выпячивай грудь,
Что простерся в болотах твой путь.

Ты на людях собой не кичись:
Интересна у каждого жизнь.

Просто, в деле своем зная толк,
Выполняй незаметно свой долг.

Коллегам

Ничьим участием не согрета,
Мне кажется, еще вчера
Сибирь, как новая планета,
Вас повстречала, мастера.

Лишь одиночные зимовья
Вас привечали, как родных.
Вы среди белого безмолвья
Не знали сна у буровых.

Разведчик. Этим словом ратным
Не зря же называют вас.
Не повернули вы обратно,
Нашли России нефть и газ.

Настроенье

По уремам все смородина,
И брусника — во бору.
Край сургутский — будто родина,
И ему мы ко двору.

Я сюда пришел не рекрутом,
Завлекла тайга да ширь.
Мне теперь деваться некуда
От тебя, моя Сибирь.

Пожилось мне любо-дорого,
Наработался я всласть.
И еще довольно пороха,
И охотке — не пропасть.

Здесь и дочери счастливые
Народились и выросли.
Их «сибиринки красивые»
В Мегione нарекли.

Все их манит — и смородина,
И брусника во бору.
Вся большая наша Родина
Нам в Сибири — ко двору.

Топографы

Идут топографы.
Тайга густа.
Верхушек шорохи.
Маршрут — с листа.

Под мха куделью —
Пучины мрак.
Зато под елью —
Брусники зрак.

Шатер сосновый,
Как мед, пахуч.
Орех кедровый,
Упавший с круч.

Тяжел, неласков
Теодолит...
Не жизнь, а сказка.
Костер горит.

Где-то в болотах

Где-то в зыбких болотах —
База партии вашей.
К вам лишь в месяц однажды
Прилетит вертолет.
Иногда на прощанье
Вам ладонью помашет
Из кабинки на взлете
Незнакомый пилот.

Писем не было снова.
Виновата ли почта,
Что любимый не пишет
Вот уже целый год?
Может, вы сообщили
Ему адрес неточно.
Может, рейсом повторным
Сразу ворох пришлет...

Вы сегодня устали.
И в глазах — изогипсы
Мельтешат. Ну, а мысли,
Все, конечно, о нем.
Вы в балке потихоньку
Потанцуете «липси».
И опять загрустите,
Что пока — не вдвоем.

* * *

Вах разошелся!.. Но кажется, днями
Он остановится... Жаль...
Платья березки в воде приподняли,
Пробуют: «Не холодна ль?..»

Вах затопил все сора и дороги,
Полнится полой водой.
«Ах, убежать бы, да белые ноги
Держит, видать, водяной...»

Лодочных весел короткие взмахи.
Глуби слились с высотой...
Так бы и плыть мне по Ваху
И ахать —
Вешней дивясь красотой...

Да не судьба... Ждут меня буровые:
Отдан я им до конца.
На вертодроме всхрапнут удалые
И унесут молодца...

*Девчатам
из нефтеразведки*

Были зимние ноченьки длинными...
Вы казались нам очень наивными.

Были дни поначалу короткими...
Вы казались нам слабыми, кроткими.

И язвили над вами в компании:
«Поморозите, девушки, пальчики.

Убежите вы к мамочке с папою...»
Вы смеялись, но было — и плакали.

Вы вчера были доченьки мамины,
А теперь дом ваш — Юрты Лямины.

И зовется любая — нефтяником.
Вас не выманить с Севера пряником.

Ах, девчата! Вы вовсе не неженки.
Прижились вы здесь, будто подснежники.

Весеннее

Это здорово — правда? —
очутиться в Тюмени
вот в такой же весенний
ослепительный день
и почувствовать заново
запах сирени
и увидеть
сиренево-синюю тень!..
Это здорово — правда? —
после серых, как скука,
и холодных, как смерть,
заполярных снегов
вдруг на землю упасть
и послушать: а ну-ка,
как ты дышишь, земля!
Я — чертовски здоров!
Чуешь, как от меня
пахнет волей и потом
и как ноги блаженно
гудят в сапогах?
Им досталось шагать
по тюменским болотам:
как-никак, я всю зиму, земля,
на ногах!..
Это здорово — правда? —
шагать по асфальту
в остроносых ботинках,
легко — как босой!
Так и хочется сделать

на улице сальто
или просто пройтись
по земле колесом!..

...В сквере возле вокзала
звонкогорлое пенье —
здесь скворцы начинают
раньше прежнего
петь...

Это здорово — правда? —
очутиться в Тюмени,
а потом
до весны
вновь в тайгу
улететь!..

Балок

Проток и озер многолучье.
Нетвердая замша болот.
Под низкой тяжелою тучей
Стоит одинокий балок.

Вокруг нас — как после потопа,
И в сырости дней и ночей
Однажды невесело кто-то
Сострил: «Не жилье, а ковчег».

Нас в этом ковчеге не много —
Всего-то лишь восемь парней.
Но с нашим занятьем и Богу
Не сладить со свитой своей.

И мастер ребят утешает!
— Еще сотня метров — и нефть!
...А крыша опять протекает,
И надо задраить полезть.

В порту

Весь день в порту на берегах Оби
Под грузами рычат и стонут «Мазы».
Автол и пыль грязнят стекло кабин,
И смог вокруг развешивают газы.

Июля духота. И мошкара.
Минутный роздых по-солдатски краток.
Во имя нефти вздыблена Югра,
Клокочет жизнь, как будто лавой кратер.

Но вечер лишь прохладную ладонь
На лоб разгоряченный дня положит,
И начинается месяц молодой
Мое воображение тревожить.

И снится море Черное. И ты.
И дочери в песке на мелководье...
Однако это только лишь мечты.
Они меня настигли лишь сегодня.

Канун

Последний летний день –
Он зыбок и туманен.
Светило, отрешась,
Глядит вполупригляд.

Последний летний день
Обманчив и желанен.
Но он почти уплыл,
Как облачный фрегат.

Машу ему рукой,
Шепчу набор привычный
Прощальных тихих слов, –
Едва ль кому слышать...

И вот стоит заря
Над кромкой пограничной.
И осень холодит
Прозрачностью стиха.

Октябрины

Как и не было бабьего лета:
Над равниной — свинцовый навес.
И на карий глазок бересклета
Дождик сыпется с зябких небес.

Но на праздник черницы Арины
Вдруг румянцем зажегся рассвет.
И встречал верхолаз октябрины,
Дизелям подпевая в ответ.

Сошествие

И снова снег!
Как будто в мае
Пуржатся яблонь лепестки...
Всем сердцем зиму принимая,
Я вдаль смотрю из-под руки.

Пусть из густеющего роя
Снежинок — вьюга верви вьет, —
Мне для душевного настроя
Так нужен этот их полет!

В Новогодье

Далеконько до поселка,
Где живет семья родная.
Впрочем, это ль нам не елка —
Наша вышка буровая?!

Вся в огнях. На трубах — иней.
Дизеля под стать оркестру.
Свод над нами звездно-синий.
Заводи любую песню!

Нет шампанского? Не надо!
Есть у нас ликер подземный:
Распечатает бригада
Нынче нефти хмель туземный.

Вся горя от нетерпенья,
Рвется пленница наружу!..
Дед Мороз обмел ступени
И ступил по нашу душу.

Экспонат

Помнишь, как мы приходили
После вахты в свой балок,
Как соляркой разводили
Поскорее огонек?

Знал балок все наши мысли,
Слушал с нами гвалт ветров...
Из него теперь мы вышли
На проспекты городов.

Тех, что выросли за нами,
Где теряли мы друзей...
Неужель его как память
Мы сдадим с тобой в музей?

Лучше мы давай, товарищ,
Сложим песню про балок –
Вроде песни про фонарик
Иль про синенький платок...

Морозоустойчивость

Рессоры лопались у «Кразов».
Солярка резалась ножом.
Но люди — их живе́й. И фразы
Бывали вескими, как лом.

Ты забирался в свой «Магирус»
И говорил лишь: «Ну, вези!»
И было явно, что сей вирус
Железо только и разил.

Угодья зимы

Весна рождается на юге,
Гуляет в Средней полосе...
А здесь и в мае могут вьюги
Свою продолжить карусель.

Уж им тут есть где развернуться:
От наших северных снегов
Меридианы даже гнутся
И льды стоят у берегов!

Ориентиры

День угас — будто списан по акту,
Чтоб уже не вернули назад.
И тяжелые тучи, как траки,
Докромсали арбузный закат.

Не пробившись чрез черные клочья,
Словно стебли, измяты лучи...
Но себя ощущаю я прочно
В этой жуткой, промозглой ночи.

Пусть же буря вздымает на гребни
Мою рубку у жертв на виду.
Только помню я звезды на небе,
И по ним я корабль свой веду.

Остров

Пусть остался один только остров
Со скульптурами голых коряг, —
Ледоходом израненный остров
Не сдастся, что крейсер «Варяг»!

И вполне здесь подходит сравненье,
Вдруг пришедшее на берегу:
Будто остров пошел в наступленье
И отважно палит по врагу.

Будто он изо всех из орудий,
Из великих и малых стволов
Колошматит по лезущей груди,
По армаде грохочущих льдов.

И теперь над подлеском не синий,
А зеленых листочков дымок...
Не сдастся стихиям в Сибири
Даже малый речной островок.

* * *

Я творю свою жизнь. И о Родине думаю часто.
Ни на миг не могу отделить от работы себя.
Не ругаюсь ни с кем. И на добром счету у начальства,
И вины я не чувствую ни перед кем из ребят.

Я со всеми в ладу. Но душа все равно не спокойна.
Вроде совесть чиста. Только вдруг на себя рассержусь,
Будто слышу я клич командира: «По ко-о-ням!»
Ногу в стремя занес, но верхом на коня не сажусь.

Я к коню припаду: «Понимаешь ли боль человечью?
Разумеешь ли ты мою старую добрую грусть?
Ты прости, вороной: не влечет меня эта вот сеча».
Тот грызет удила, косит глазом горячим: «Не трусь!»

Оттенки заката

Памяти В. Агапова

Закат на оттенки богат,
А те — на приметы в народе.
А вот инкарнатный закат —
К какой, интересно, погоде?

Уж больно тонки в нем тона:
Румянец, чуть-чуть золотистый,
Бледнея, меняется на
Бескровный, а тот — на землистый.

Таков же, видать, переход
Оттенка к оттенку и в жизни.
Давно ли был юным!.. И вот
О друге я плачу на тризне...

Кедр

Кедр враслопырку лапник распластал,
Как будто он — глухарь и вот — токует...
Он столько бедствий в жизни испытал
И бурю только выдержал такую!

И вот, настороженный, как глухарь,
Стоит, красуясь и лучи вбирая.
Но движется к нему стальная тварь,
Нож подводя, чадя и громыхая...

Осень на Вахе

Морозная ясность в природе.
Застыла дорожная грязь.
И слякоть душевная вроде —
Надолго ли, нет? — улеглась.

От гнуса очистился воздух.
Сора широки, глубоки.
И угок отъевшихся поздних
Доносится гомон с реки.

Сквозисты верхушки деревьев,
Слоится над ними дымок.
И тетерев, словно издревле,
Глядит, не колыша сучок,

На струи тягучие Ваха,
На пряди кудели лесной.
И нефть, как цветная рубаха,
Вздывается тяжелой волной...

Вахтовый роман

Ах, казачонок какой, надо ж, вылитый я!
Что ты, роднуля, да разве б я стал
отпираться?!

Вы же с ним для меня
Как родная семья!
Жалко мне: не могу разорваться!
Не могу, не могу разорваться...
Вспомни, сердэнько, как встретились мы
на «кусте»,
Были тогда времена золотые, ей-Богу!
Жаль, сейчас уж не те...
Я ведь чего прилетел?
Распрощаться: закрыли дорогу...
К вам границы закрыли дорогу!
Что ты, кохана, да все образуется, как
В лучших домах и семействах Парижа-
Лондона:
Подрастет сибиряк,
И, как добрый казак,
Он подастся до батькина дома,
За границу, до батькина дома...

Метаморфозы экологии

Пока в разгаре словопренья
Оратор минералку пьет,
В кассетнике воображенья
Включаю я обратный ход, —

И газ попутный из отвода,
Горевший двадцать лет подряд,
Из голубого небосвода
Нисходит в скважину назад.

Деревья встали из лежневок,
И первым делом — кедрачи.
И, увидав в тайге их снова,
На них расселись косачи.

И нефть, разлитая меж елок,
Обратно в недра утекла, —
Ищи опять ее, геолог,
Верши великие дела!..

Винюсь виною я презренной.
Но горько мне в моей ругне,
Что лишь на позднее прозренье
Хватает нас в родной стране...

В отпуск

После зыбкой грунтовой дороги
По бетонке лететь — благодать!
Распрямить благодарственно ноги
И с соседом своим поболтать.

А потом обнаружить в задремье:
Жизнь прошла — будто взял напрокат
Эти годы на краткое время,
И уже — отдавать их назад.

Облака — словно легкие тени
Трех десятков промчавшихся лет.
Все, что было, отдал ты Тюмени,
А на отдых все времени нет...

Несибирское

Лес полон мощи. Небо, как нигде,
Такое ж, как над Западной Сибирью.
Но нижевартовцу, пожалуй, скучно здесь,
Поскольку он не встретится тут с ширью.

Здесь хорошо, и все для жизни есть,
Поскольку здесь — России пуповина.
Я думал, оценив такую честь,
Листвою всей захлопают осины!

Но, к удивленью, смирен и сонлив
Был дебрей этих колер подмосковный.
Лишь там, у нас в Сибири, горделив
Любой березы стан нерукотворный.

В теплом краю

Отобедав, уходим к морю.
Хорошо на нем, хорошо –
Я с волною о том не спорю –
Отдохнуть неморской душой.

Волны словно большие гости,
Буруны будто мех папах.
Я на солнце прожарил кости
И соленой водой пропах.

Отошла моя поясница,
И суставы не так хрустят.
Только что же мне Север снится
Начинает пять дней спустя.

Оживая, пружиню крылья,
Чтоб опробовать синь небес.
Впрочем, нового не открыл я:
Все мы птицы на юге здесь...

* * *

Снился сон мне, тяжкий и тягучий,
Будто мозг сдавили злые тучи.

Будто облачили против воли
В шубу — металлическую, что ли?!

Неприятный на душе осадок...
То-то воздух утра будет сладок.

СОЛНЕЗОРОТ

* * *

Этим розовым утром
Я совсем заморожен.
И, вбирая зарю,
Сердце громче стучит.
Безотрывно люблюсь,
Как из облачных ножен
Золотой богатырь
Мечет книзу лучи.

Солнце стрелы вонзает
В задремавшие гривы,
И в глубины озер,
И в вихры лозняка.
И снега обращаются
В звон гомонливый,
Обряжая тайгу
В навесные шелка.

В отворившемся небе –
Снова краски апреля.
Окунают ветра
В них мохнатую кисть.
Оживают все чувства,
Что зимою лишь тлели.
Вот все это и есть
Гимн по имени Жизнь!

Ветка

Что время движется, про это
Напоминают всякий день
То непременно рассветы,
То удлинившаяся тень.

Об этом говорит и ветка,
Вдруг заглянувшая в окно.
Она была отрадой ветра
Еще по осени, давно.

И вот она навстречу ветру
Раскрыла листья во дворе...
Спасибо маю, солнцу, свету
За эту новость на заре!

* * *

На Югане буйны грозы.
И в одну из этих гроз
С плачем рухнула береза,
Изронив немало слез.

Там, где канули слезинки,
В теплом сполохе зарниц
Изнавесились корзинки
Золотистых медуниц.

Не ступлю ботинком модным,
Их увидев под ногой:
Медуницы пахнут медом,
Пахнут майскою грозой...

* * *

Гроза прошла,
но посмотри,
какое совершилось чудо:
леса,
подобно изумруду,
вдруг засветились
изнутри;
янтарно светятся
поля,
в твоих глазах
души свеченье...
И вся вздыхает
с облегченьем,
как бы проплакавшись,
земля...

* * *

Июль. А только зацветают
Морошка, клюква и багул...
Да полно! Ведь на то и Север:
Чему должно, то даст и плод.

* * *

Чалдонский чай, кедровые орешки,
Ну, как бы обходились мы без вас?
Даруете вы долгими ночами
Свою нам силу и душе покой...

* * *

Вновь такая сошла гроза! –
Словно прядь на твои глаза,
Ливень застит в окне окрестности.
Гром от молний такой стоит,
Будто с порохом склад горит
Над земною — в небесной местности!

* * *

Под ночь погода осерчала.
Дома ходили ходуном.
Луну за тучами качало
«Летучей мышью» за окном.
А нынче вышел спозаранку, –
Вокруг такая тишина,
Как будто, бросив перебранку,
Утихла шумная жена...

* * *

Октябрь, а навигация на Вахе
в разгаре: катера всюду снуют...
Но хмурый день в мерлушковой папахе
отары туч угнал пастись на юг.
И вызвездило в ночь, пока мы спали
коротким, но, как в детстве, сладким
сном.

А утром — словно бы попали в Палех,
где черный лак в контрасте с серебром,
где отраженный мир означен резче —
сквозь черноту просвечивает суть...
И весь пейзаж пока очеловечен
лишь одиноким следом на мысу...

* * *

Полюбил я берез белостволье.
Словно в добром девичнике, там
Сердце полнится нежною болью,
Отдаваясь забытым мечтам.

Но по сердцу мне и перелески,
Где гармония лада живет.
Здесь березы ведут свои песни
И осины не знают забот.

Думный кедр здесь и с пихтою ели
Собрались для совета, как жить.
По хвоинке, работник умелый,
Муравей свою башню сложил.

Развеселие здесь в водополье,
Птичий гомон и страсти окрест!
И в душе золотое приволье,
От корней до бездонных небес.

* * *

От Покрова до Покрова –
Вся в заботах голова.
Что ни утро — то страда.
Вот и голова седа...

Шаги

В тайге чудесная акустика,
Когда мороз под пятьдесят.
Нога на снег едва опустится –
И словно скрипки зазвучат.

Смычки то разом заколышутся,
То запоют наперебой...
По всей земле, наверно, слышатся
Шаги идущего тайгой.

Солнцеворот

Закончился декабрь. И вот
Разверзся сам собой
Ярилы огненный восход,
Свод неба голубой.

Видней и облачка полет,
И от турбины шлейф.
Светило высоко взойдет
И ляжет в долгий дрейф.

И будет день в тайге тогда
Под стать масштабу дел.
Идет горячая страда.
Един у нас удел.

Сбой

Уж Рождество, а так морочно.
Куда девался Дед Мороз?
В теплынь такую правомочно
Встает единственный вопрос:

Неужто сбился ход планеты,
И на последнем рубеже
Все отменяются приметы
И не в России мы уже?!

* * *

Как скатерть праздничная, хрусток
И ожидая только нас,
Лежит не то что первопуток,
Но для охоты свежий наст.

Нет, не бегу я без оглядки
Скорей с работы, что не мед.
Но есть в душе такие складки,
Что лишь охотник и поймет...

По насту

Гривастый лесок
Подтопился совсем.
По насту иду –
Словно лезвия ем.

Глухарь мой тяжел
И отменно броваст.
Вот-вот и поглотит
С добычею наст...

Вкус охоты

Не за трофеи ценится охота,
Не за пахучий пихтовый озон,
Не за мошку и с клюквою болота
И не за встречу с позднею грозой.

Нет, не за клик, томительный и горький,
За журавлями тянущийся вслед.
И вовсе не за вкус последней корки.
Тогда за что ж? Ищите свой ответ...

УТРЕННИЙ КАНОН

* * *

В горельнике — дятлам приволье:
Клевок — и во рту короед..
Ах, родина милая, с болью
Гляжу на твой бедный рассвет.

Что дятлы, твои работяги, —
Затюканный отвеку люд, —
Стучат, обживая овраги,
И почву на камни везут.

Их место — угодия топей,
Их дачи — навес да сарай..
Сомнителен средь неудобий
Убогий растительный рай.

Памяти матери

1

Бывало, вглядываясь в снимки,
С крестьянской жалью на лице,
Одна в квартире-нелюдимке,
Мать загорюет об отце:

– В два раза ты уже моложе!
Ну, чо смеешься, чо глядишь?
Мы скоро встренемся, похоже.
Стара я стала, говоришь?

А ты меня признаешь, ми-илый?
А не пройдешь ли стороной?
Я не нашла твоей могилы,
Уж ты прости меня, родной.

Ты поджидай меня не в гости,
За нерадение прости.
Знать, оттого и ноют кости,
Чтоб на покой их отнести...

2

Подойдет к окну на улицу,
Заглядится на троллейбусы,
На бегущие автобусы
И с мечтой проговорит:

– Вот и я — давно ли лётала
На своих до Киекбаева
Или к Ленке до Суворова?!
Это ведь не ближний свет.

Ноне же в Дежневку выползла,
Вроде рядом, а измаялась.
Нет, сынок, силов уж нет.
Отходила я, отмыкалась,

Мне одна теперь дороженька:
Если есть на небе Боженька,
То к нему на скорый суд,
Видно, детки отнесут...

Я смотрю на образ матери —
Скорбь в глазах невыносимая!
Так мне к ней прижаться хочется
И утешить в тихой горести.

3

Только свое отпели
Мамины соловьи —
Враз мы душой постарели,
Брат мой и сестры мои.

Только ее черемух
Белая стихла метель
За Малышовкой в уреме —
Жесткою стала постель.

В пору глухую не спится,
Пухнет от дум голова:
Мысли — как мамины спицы,
Словно петельки — слова...

Ах, если б снова родиться —
Стала б и мама жива...

4

Вот и снова печальная дата
Наплывает, как зябкий закат,
Ко кресту твоему виновато
Я прильну, как три года назад.

Ты на фото сидишь в полушалке,
И щемяща твоя худоба...
«Как тебя мне, родимая, жалко!» —
«Что жалеть? Чай, такая судьба...»

5

Ты мне сказывала: в Сретенье
Цыган шубу продает,
Потому что зимка встретила
Смерть свою в солнцеворот.

Оттого и эта оттепель,
И дороги развезло...
...Где ты, мама? Где теперь?
Наше чуешь ли тепло?

* * *

Со всех амвонов нам внушалось,
Что наша правда — на века.
Но вера в Слово истончалась,
И держит Дело нас пока.

Возвращение

Экая вот странная кручина!
Лишь вчера подъем одолевал.
И манила гордая вершина,
И уже ступил на перевал...

Но сказали, что иду не в гору,
Что давно вершина позади...
Что ты мне ответишь, тот, который
Был у альпинистов впереди?

Возвращаться — это ли не горе?
Все сначала — это ль не печаль?..
Может, просто, как в житейском море,
Плыть нам в очарованную даль?

Храм

1

Там, где вод и леса панорама
Уходила прямо в высоту,
У полуразрушенного храма
Постигал я сердцем Красоту.

Плесы, словно ризы, золотели,
Воздух пахнул райскою травой.
Видел я, как ангелы летели
У меня над самой головой.

2

Благословит Господь на праведное дело —
И вновь из праха возродится Храм.
Достичь единства и души, и тела
Своею волею Бог да поможет нам!

Содержание

<i>Иван Лыцов. Стихи в блокноте инженера</i>	5
Троицыно утро	9
«Хлебным духом печка дразнит...»	10
Проездом	11
Повечерье	12
Дети войны	13
Крапива	14
Жнецы	15
1. «Рожь спелая то ляжет гладью...»	15
2. «Над Параниным угорьем...»	15
Колоски	16
Чищенная картошка	17
Военная масленица	18
В Казенном лесу	18
Зорька	20
Журавли	21
Голубичник	22
Доброта	23
В крещенский мороз	24
Семейные часы	25
Сонет о Вас	26
Отклик	27

Встреча	28
Заклинание	29
Свадебный визит	30
Разлад	31
«Я тебя забывать погожу...»	32
Семейные часы	33
«Настенька мила и востроглаза...»	34
Одной лыжней	35
«Странности сей жизни не избыть...»	36
«Хоть и бабье лето на дворе...»	37
В разлуке	38
«Милая, не спрашивай: «Зачем?..»	38
Новая планета	39
«Про походный пахучий чай...»	40
«Я улетаю на работу...»	40
«Возноси ты не очень свой нос...»	41
Коллегам	41
Настроенье	42
Топографы	43
Где-то в болотах	44
«Вах разошелся!.. Но кажется, днями...»	45
Девчатам из нефтеразведки	46
Весеннее	47
Балок	49
В порту	50
Канун	51
Октябрины	52

Сошествие	53
В Новогодье.....	54
Экспонат	55
Морозоустойчивость.....	56
Угодья зимы	56
Ориентиры	57
Остров.....	58
«Я творю свою жизнь.	
И о Родине думаю часто...»	59
Оттенки заката	60
Кедр.....	61
Осень на Вахе	62
Вахтовый роман	63
Метаморфозы экологии	64
В отпуск	65
Несибирское	66
В теплом краю	67
«Снился сон мне, тяжкий и тягучий...»	68
Солнцеворот.....	69
«Этим розовым утром...»	70
Ветка	71
«На Югане буйны грозы...»	72
«Гроза прошла...»	73
«Июль. А только зацветают...»	74
«Чалдонский чай, кедровые орешки...»	74
«Вновь такая сошла гроза!..»	75
«Под ночь погода осерчала...»	75

«Октябрь, а навигация на Вахе...»	76
«Полюбил я берез белостволье...»	77
«От Покрова до Покрова...»	78
Шаги	78
Солнцеворот	79
Сбой	80
«Как скатерть праздничная, хрусток...»	81
По насту	82
Вкус охоты	82

Утренний канон **83**

«В горельнике дятлам приволье...»	84
Памяти матери	85
1. «Бывало, вглядываясь в снимки...»	85
2. «Подойдет к окну на улицу...»	85
3. «Только свое отпели...»	86
4. «Вот и снова печальная дата...»	87
5. «Ты мне сказывала: в Сретенье...»	87
«Со всех амвонов нам внушалось...»	88
Возвращение	89
Храм	90
1. «Там, где вод и леса панорама...»	90
2. «Благословит Господь на праведное дело...»	90

Козлов В.

К 59 Троицыно утро: Книга стихов. — Екатеринбург:
Сред.-Урал. кн. изд-во, 1999. — 96 с., ил.

ISBN 5-7529-0721-7

Виктор Козлов — автор четырех книг стихов и прозы, выходявших в Свердловске, Нижневартовске, Москве, лауреат поэтических и очерковых конкурсов.

В новую книгу поэта из Мегииона вошли стихи, дающие емкое представление о его творческой манере.

К $\frac{4702010102-026}{M158(03)-98}$ —Без объявл.—99

ББК 84Р7

Виктор Николаевич Козлов
ТРОИЦЫНО УТРО

Редактор
М.А. Федотовских

Художник
В.В. Сысков

Художественный редактор
В.С. Солдатов

Компьютерная верстка
А.Ф. Агзамов

Корректор
М.Ф. Худякова

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 064913,
выдана 14.01.97

ИБ № 220

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.09.98.

Формат 70 x 90 ¹/₃₂. Бумага писчая.

Гарнитура GaramondC. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,51. Уч.-изд. л. 3,0 Тираж 2 000. Заказ №

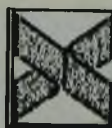
Открытое акционерное общество

«Средне-Уральское книжное издательство»,

620014, Екатеринбург, ГСП-351, Малышева, 24.

Асбестовская типография, г. Асбест, ул. Садовая, 5.

X

99322004

Окружная библиотека

